

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. И. Бойко

ПРЕСТУПНОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Александр Бойко

Преступное бездействие

«Юридический центр»

2003

УДК 343.222.6
ББК 67.408

Бойко А. И.

Преступное бездействие / А. И. Бойко — «Юридический центр»,
2003 — (Теория и практика уголовного права и уголовного
процесса)

Исследование посвящено феномену пассивного поведения и возможностям его преследования уголовно-правовыми средствами – редкой теме для отечественных научных обзоров. Помимо традиционного освещения бездействия в рамках состава преступления и его объективной стороны, в книге подробно анализируется труднейшая проблема причиняющего влияния пассивных актов, впервые поднимаются болезненные вопросы уголовной ответственности за бездеятельность и объективного вменения, исследуются законодательные предпочтения в сфере криминализации этой формы деяния. Ход рассуждения и аргументационное поле книги не ограничены рамками юриспруденции, а распространяются также на область философии и психологии. Автор выработал свой индивидуальный стиль изложения с элементами публицистики. Издание предназначено для преподавательского состава и студентов юридических вузов, думающих практиков, расположенных к осмыслению юридических стандартов с точки зрения психологии и социологии.

УДК 343.222.6
ББК 67.408

© Бойко А. И., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Прозаические пролегомены	8
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Иванович Бойко

Преступное бездействие

*Светлой памяти Митрофана Ивановича Ковалева – знаменитого
ученого и неординарной личности в юридических кругах страны,
посвящается*

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Л. Н. Вишневская, Ю. В. Волик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, Н. И. Мацнев (отв. ред.), С. Ф. Милюков, М. В. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

*М. И. Ковалев, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор
А. И. Бойцов, доктор юридических наук, профессор*

Editorial Board of the Series “Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, L. N. Vishnevskaya, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V S. Komissarov, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, N. I. Matsnev (managing editor), S. F. Mityukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

*Honored Science Worker of the RF, Doctor of Law, professor M. I. Kovalev
Doctor of Law, professor A. I. Boitsov*

A. I. Boiko

Criminal Omission. – St. Petersburg: "Yuridicheskyy Center Press", 2003.

The research is devoted to the phenomenon of passive behavior and possibilities to prosecute it by criminal-law means – a rare topic for domestic science review. Besides traditional treatment of omission within the frame of constituent element of a crime and its objective side, the book analyses a very difficult problem of causing influence of passive acts, for the first time raises painful issues of criminal responsibility for omission and objective incrimination, examines legislative preferences in the sphere of criminalization of this form of act. The course of reasoning and argumentation field of the book are not limited by the frames of jurisprudence but apply to the field of philosophy and psychology. The author has worked out his individual style of writing with elements of publicism.

The book is addressed to the teaching staff and students of law schools, thinking practitioners disposed to trying to understand legal standard from the point of view of psychology and sociology.

© A. I. Boiko, 2003 © Yuridicheskyy Center Press, 2003

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Дей-

ствуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат следующие вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федорова «Таможенные преступления», Е. В. Топильской «Организованная преступность», М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология», В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском уголовном процессе», Р. Д. Шарапова «Физическое насилие в уголовном праве», М. Г. Миненка и Д. М. Миненка «Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы», С. Д. Шестаковой «Состязательность в уголовном процессе», И. Ю. Михалева «Криминальное банкротство», Г. В. Овчинниковой, М. Ю. Павлика, О. Н. Коришуновой «Захват заложника», А. Н. Попова «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», О. В. Старкова, С. Ф. Милюкова «Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ», А. Л. Протопопова «Расследование сексуальных убийств», С. А. Алтухова «Преступления сотрудников милиции», В. Г. Павлова «Субъект преступления», Ю. Е. Пудовочкина «Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву», И. М. Тяжковой «Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности», В. М. Борисенко, К. И. Егорова, Г. Н. Исаева, А. В. Сапса «Преступления против военной службы», А. А. Майорова, В. Б. Малинина «Наркотики: преступность и преступления», Г. В. Назаренко «Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния», Б. В. Волженкина «Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления)», 2-е изд., дополненное и расширенное, А. А. Струковой «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: уголовно-правовая характеристика», С. С. Тихоновой «Прижизненное и посмертное донорство

в РФ: вопросы уголовно-правового регулирования», А. В. Мадьяровой «Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования», М. Л. Прохоровой «Наркотизм: уголовно-правовая характеристика», Л. А. Андреевой, И Ю. Константинова «Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность», И. В. Александрова «Налоговые преступления», Л. С. Аистовой «Незаконное предпринимательство», и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия Февраль 2003 г.

Прозаические пролегомены

Бездействие – преждевременная смерть.

П. Буаст

Надоело... дотошное управление. На улице – вновь перемены. И, прежде твердо ведомый властью, обыватель оцепенел. Нет однопартийного режима, который понукал, указывал, организовывал – в общем знал истину в последней инстанции и по пути к ней не давал бездельничать никому. Новая же элита пока занята собой, то есть поглощением остатков общенародного достояния и удлинением сроков замещения выборных должностей. В социальной области она явно отметилась только двумя узаконениями – обеспрофсоюзненным Трудовым кодексом и запретом разжигания социальной розни. Vulgo, низам заказано обсуждать и критиковать огромное имущественное неравенство, появившееся за годы реформ; они должны беспрекословно слушаться нового производственного хозяина и забыть о прежних механизмах защиты своих прав после продажи способности к труду.

Делай, что хочешь... А в остальном граждане свободны. Они вольны работать или отдыхать, заниматься физическим трудом или играть на бирже. Новая система жизненных координат оставляет очень мало места для обязывающих норм. Преобладают дозволения и запреты. В стране азартно, в обстановке официального ликования приживляются базовые ценности англосаксов, выстроенные на разрешительном принципе. Чтобы наметнуть, насколько это серьезно для нашего менталитета и наших управленческих стереотипов, приведем забавные тарановские дефиниции четырех европейских типов права: «английская система – можно все, кроме того, что нельзя; немецкая система – нельзя ничего, кроме того, что можно; французская система – можно все, даже то, что нельзя; русская система – нельзя ничего, даже того, что можно»¹.

Можно почти все. Заметно, что россиянам в их поведенческой культуре предстоит рискованный прыжок в царство вседозволенности. Рискованный потому, что славянин, чрезмерно обложенный запретами прежде, привык многими из них манкировать, а в качестве правила личной безопасности и для житейского оправдания он придумал национального божка по имени «авось» и поклонялся ему. Нет сомнения, что по правилам психологического жанра это жизненное руководство будет непременно сохранено обывателем и после резкого сокращения запрещений и предписаний.

Авось выживем... Но обыватель будет по-своему прав в хитрой персервации выгодных и одновременно страховочных правил прошлых веков. Сегодня шаманы импортной идеологии выкликают на авансцену исключительно права и свободы, но не обязанности, видят в государстве только узурпаторскую машину, будят частнособственнические инстинкты и тем самым атомизируют общество. Коммунальные заботы беззаветно отодвинуты на задний план. Радение об обязанностях сегодня не к лицу. Каждый бьется за свой интерес, для социума же остается «авось». Мы все живем в преддверии очередного Чернобыля.

Поведенческие качели. С его грозным приходом нравственные и политические кукушки от власти, в первую очередь – СМИ, срочно сменяют ориентацию и тон, призовут управляемые сословия (прозападный эвфемизм – страты) к дополнительному повиновению, к выполнению обязывающих норм, обругают индивидуальное бездействие как антиобщественное, противокolleктивное поведение (!). Возможно, низам даже напомнят известную фразу бывшего политического кумира о том, что жить в обществе и быть свободным от общества (от обязанностей, от деятельного поведения) нельзя. Вот будет лихая метаморфоза: сладкие фан-

---

¹ Таранов П. С. Управление без тайн. Симферополь, 1993. С. 139.

тазии только о правах личности немедленно, без всяких светотеней сублимируются в жесткую требовательность по выполнению обязанностей.

Таким образом, революционная фраза в очередной раз обнаружит свою несостоятельность², и подтвердится наше печальное национальное правило: идеологизированное государственное и общественное внимание к юридическому бездействию имеет маятниковый характер. Забудется ужас очередной техногенной или общеуправленческой трагедии, вызванной частным разгильдяйством, но возвращенной превознесением частных прав; и страна безмятежно продолжит жизнь по формуле «моя хата с краю» – до следующей катастрофы.

Бездействуй – решать будем мы. Alias, судьба уголовно-правового бездействия связана и с господствующими политическими установками и предубеждениями. Конечно, в рации современных УК есть и составы бездействия, но их могло быть больше, да и снабдить действующие можно было более суровыми санкциями. Но это еще ничего. Фактическая реализация запретов, и эта мысль в равной мере распространяется как на пассивную, так и на активную форму поведения, зависит от пресловутой политической воли. В смычке права с жизнью в современной России ей принадлежит важнейшее, оплодотворяющее значение. Причем, склонность к учету политической воли, даже собственной, проявляют все: от руководителей правоохранительных органов страны, испрашивающих мнение главы государства или ответственных сотрудников его администрации по вопросу преследования проворовавшегося, но много знающего олигарха, – до следователя РОВД, учитывающего пикантные местные обстоятельства по делам и лицам, чья материальная и уголовно-процессуальная судьба может заинтриговать лишь близкий круг родственников, но никак не политиков.

Сегодня, к сожалению, – это как норма в юридической сфере. Произрастающее на почве политической воли или мздоимства (а чаще эти ингредиенты работают в паре) потворство к бездействию опирается и на сложности причиняющего влияния пассивного способа поведения. Это обстоятельство используется как готовое социально-природное алиби. Итак, криминальное бездействие – не подарок для юристов. Как не обратить на него внимание уголовноправовой науке?

Дело и слово. И обращают. По нескольким фрагментам. Ученый мир ищет особенности пассивного порядка опасного поведения и сравнивает его с действием. Особо проговаривается и обосновывается допустимость ответственности за бездействие, за самовольное выключение из общественной системы разделения труда. Когда-то и, кажется, первым профессор М. Д. Шаргородский высказал суждение, что при бездействии причинная связь отсутствует, так как не может быть причинной связи там, где нет причинения.³ С тех пор доктрина мало продвинулась по пути осмысления причиняющего характера пассивного поведения. Странно, что дискуссии по этому вопросу не возбуждаются ныне, в пору экзальтированного увлечения субъективным вменением⁴. Пока научное осмысление бездействия идет по инерции, без включения в поисковое поле каких-либо новых фрагментов, по следующему трафарету: место бездействия в объективной стороне состава – его отличие от действия – условия наступления ответственности. Частично пойдем по этому пути и мы.

Кому какое дело. Надо сказать, что пассивное поведение (более в физиологическом, а не только в социальном смысле) имеет оправдание и даже признаки полезности. Физиче-

² Тем самым подтвердится огорчительное наблюдение одного из настоящих руководителей России прошлого, что интеллектуальная и политическая элита жаждет перемен просто так, впадает «в своего рода революционное опьянение не от голода, холода, нищеты и всего того, что сопровождает жизнь 100-миллионного непривилегированного русского народа или, точнее говоря, голодных подданных русского царя и русской державы, а в значительной степени от умственной чесотки и либерального ожирения...» (Витте С. Ю. Избранные воспоминания (1849–1911). М., 1991. С. 560).

³ Шаргородский М. Д. 1) Причинная связь в уголовном праве. // Уч. тр. ВИЮН. 1947. Вып. X. С. 185; 2) Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Сов. гос-во и право. 1956. № 7. С. 51.

⁴ Приятным исключением здесь является обстоятельная монография: Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000.

ский покой суть естественное состояние человеческого организма. Отдых и сон нужны телу и интеллекту для сохранения работоспособности. Бездельничай тут и сейчас, чтобы в другое время и в другом месте проявить себя деятельно. Физиологическая необходимость бездействия настолько очевидна, что об этом даже не принято говорить и писать.

Другое дело – вопрос о полезности социальной обломовщины. Тут у нее много критиков и горячих ходатаев, от чопорных государственных мужей до обывателей с их хлесткими житейскими премудростями. Великий интеллектуальный и эстетический отшельник России XIX в. князь П. А. Вяземский вошел в мир афористики советом бороться с дурными мерами правительства их неисполнением либо дурным исполнением. Широко известен и армейский рецепт не торопиться с выполнением приказа, поскольку в любой момент может последовать противоположная команда «Отставить!».

«Спишь без труда». Из того же поведенческого ряда национальные поговорки и пословицы типа «работа не волк – в лес не убежит», «дело не медведь – в лес не уйдет», «где бы ни работать, лишь бы не работать», «и поедим, и спляшем, только пашни не вспашем», «мы работы не боимся, на работу не пойдём», «спишь, спишь, а отдохнуть некогда», «один пашет, а семеро руками машут» и т. д.⁵ А ведь есть еще вечно лежащий на печи и обретающий, тем не менее, счастье Иванушка-дурачок. Он – один из эпических героев нашего этноса. Конечно, можно понимать и оправдывать эти разговорные поведенческие установки, кочующие в народной среде несколько веков, как ответный выпад угнетенного класса, как пассивный уход от эксплуатации, как жест отчаяния и безысходности.

Но ведь есть и другой полюс народных предпочтений в деятельности – мастерство Левши, боевое ухарство Добрыни Никитича, мозолистое мужицкое счастье. Да и крылатых выражений на сей счет в народном эпосе также достаточно: «без дела жить – только небо коптить», «без труда и отдых не сладок», «делу – время, потехе – час», «лежа пищи не добудешь», «не разгрызешь ореха, так не съешь и ядра», «покой пьет воду, а беспокойство – мед», «работай до поту – поешь в охоту», «безделье – мать пороков и сестра болезни» и пр.⁶

Что же касается правящей среды, то здесь пиетет перед бездействием – норма. Талейран часто напутствовал молодых дипломатов словами «*Pas trop de rele!*»⁷, а в ответ на недоуменные взгляды расшифровывал свое назидающее: «Чем меньше вы будете делать, тем меньше принесете вреда стране». Страстный и непримиримый Искандер (А. И. Герцен) писал из-за рубежа, обращаясь в основном к отечественной интеллигенции, о нашем многостороннем бездействии, о нашей деятельной лени; о том, что от отцов мы наследуем только движимое и недвижимое имущество, да и то плохо храним; оттого по большей части мы ничего не хотим, а если хотим, то никуда не доходим⁸. Ему вторил в своих оценках ядовито-беспощадный М. Е. Салтыков-Щедрин, когда писал о чванном равнодушии, сделавшимся нормальной окраской русской интеллигенции⁹.

Но самым циничным образом отметился в истории итальянский министр XIX в. В. Фоссомброни, который возвел бездеятельность в основное правило для подчиненных госслужащих: «Раз тебе платят жалованье каждый месяц, не суйся ни во что». И, знаете, наставление работало: налогоплательщик гнул спину, безработные аппенинцы покидали страну, самые продвинутые и смелые из недовольных жизнью подбивали остальных (ропщущих) на демонстра-

⁵ См.: Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. ст., коммент. Ю. Г. Круглов. М., 1990. С. 209–223.

⁶ Там же.

⁷ Не усердствуйте! – фр.

⁸ См.: Сороковые годы XIX века. М., 1950. С. 178.

⁹ Там же. С. 217.

ции, в недрах и даже на поверхности общества бурлило Рисорджименто¹⁰, а госаппарат жил, преимущественно в свое удовольствие, потому что ни во что не вмешивался.

Знаем, да хочется. Социальная апатия в целом, за исключением тех горьких эпох, когда общество вынуждено разувериться в своих прежних ценностях, порицается населением. Но бездействие всегда завораживает, магнитит своею сложностью и, в наш динамический век суматошной погони за настоящими и призрачными ценностями, даже обескураживает какой-то тайной рациональностью, граничащей с нирваной. Не зря древние китайские мудрецы говорили о превосходстве воздержания над деянием, а наш великий писатель и обмирщенный философ пропагандировал непротивление в качестве базовой ценности христианской жизни.

И они туда же... Обратим свой взор в античность и там встретим примеры преклонения перед бездействием. Кратил достиг на этом пути своеобразного апогея: он позволял себе ничего не говорить, а лишь показывал на все пальцем, то есть выступал провозвестником конклюдентности¹¹. Прочие любомудры изрекали советы, пограничные с бездействием, запретом и предосторожностью. К примеру, Хилон выдавал такие предписания жизни: «Не грозись: это дело бабье. Мертвых не хули. Лучше потеря, чем дурная прибыль. Языком не упреждай мысль. Гадательству не перечь. На непосильное не посягай. Когда говоришь – руками не размахивай. Законам покорствуй. Покоем пользуйся»¹². Наставления по бездействию Пифагора, которые сам он называл напярмлениями, были еще прозаичнее: «Огонь ножом не разгребать; через весы не переступать; на хлебной мере не сидеть; изображения бога в перстне не носить; горшком на золе следа не оставлять; против солнца не мочиться; руку без разбора не подавать; ласточек под крышей не держать; на обрезки ногтей и волос не наступать; переходя границу, не оборачиваться»¹³. Философов в древней Элладе любили, можно сказать, носили на руках. Следовательно, греки и другие жители Средиземноморья придерживались поведенческих установок своих кумиров. А посему не будем записывать в реестр только наших национальных слабостей лень и бездеятельность, это – мировое достояние.

Пойдем за бездельем вместе, взявшись за руки. Выходит, что бездействие, даже приносящее горести окружающим людям и потому подлежащее уголовно-правовому регулированию, – весьма занимательная штука. Мы ведь еще не сказали о том, что обыватель сходу согласен с криминализацией многих преступных действий, с ответственностью за активное посягательство, но на преследование пассивного поведения он смотрит неодобрительно либо индифферентно¹⁴.

Уже по этим причинам трудно удержаться от соблазна специально осмыслить этот феномен человеческого существования. Приглашаем в сообщники читателя и призываем его деятельно проглотить наши рассуждения о бездействии, самостоятельно усмотреть различия в физиологической и социальной сторонах пассивности, совместно помечтать о юридических перспективах «ничегонеделания» обязанных лиц. А логика и структура настоящей книги достаточно проста: центральной, 4-й главе (о бездействии) предпосылается очерк научных взглядов на объективную сторону состава преступления; окружена же она (4-я глава) навеянными временем суждениями об объективном вменении (идеологической подпорке преследо-

¹⁰ Движение за освобождение Италии от иностранной зависимости, от политического контроля со стороны Австро-Венгрии. К. Меттерних, руководитель внутренней и внешней политики Австрии с 1809 по 1848 гг. и вдохновитель «Священного союза», считал, что Италия – только географический термин, как государство она существовать не должна.

¹¹ См: *Таранов П. С.* Золотая философия. М., 1999. С. 65.

¹² *Лазртский Д.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 84.

¹³ Там же. С. 337.

¹⁴ Хорошо высказался на сей счет, но по отношению к контрабанде, пионер просвещенного уголовного права, итальянский маркиз Ч. Беккариа: «Преступления, которые по мнению людей не наносят им непосредственного ущерба, не интересуют их настолько, чтобы вызвать всеобщее негодование против виновных. К таким преступлениям относится и контрабанда. Люди, на которых отдаленные последствия производят самое слабое впечатление, не видят вреда в действиях контрабандистов. А часто даже довольны сиюминутной выгодой от контрабанды» (*Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 203, 204).

вания), о постоянно дразнящей проблеме причиняющих механизмов пассивного поведения и об отличии одноактного бездействия от длительного; завершается же исследование справочным разделом – анализом законодательных предпочтений и оговорок в сфере криминализации пассивного поведения.

Конечно, в жизненной тесноте и истерике уличная философия бурно встречает лишь деятельное поведение; бездействие же благоразумно хоронится от общественного обсуждения, прямого вызова властям и социуму для ответной реакции не подает, выпрашивает себе роль Золушки. Склонные к воздержанию люди благоразумно сдают перед оффензивой¹⁵, предпочитают держать дистанцию и в работе, и в разговоре с поборниками межличностной экспансии. Как иронично подметил один из отечественных бытописателей, «дед с первых лет супружества молчанием привык отделяться от красноречия бабушки»¹⁶. Право, самые примитивные аргументы и силлогизмы приговорят бездеятельность к меньшему воздаянию. Того же взгляда вынужден придерживаться и законодатель, но делает он это утонченно, с помощью специальных конструкций и оговорок.

Делу – время, вступительным наставлениям – час. Но, пожалуй, хватит играть роль рекламного зазывалы. Так можно, по нечаянности, перейти от невинной пропедевтики к формулированию выводов. Мы к этому, конечно же, готовы, поскольку представительские части книг обдумывались параллельно с основным текстом, да вот читателя нужно чтить. Лучше не только писать лучше¹⁷ – это я себе, но и читать самому весь текст, а не только аннотацию, – это я вам. Теперь отдыхать будет автор. Пусть читатель испытает первобытную умственную раздражительность, следующую обычно за посещением выставки (цитируемых) идей и взглядов, да и придет к собственным выводам. Мы будем рядом, но не чувствуем себя обязанными, говоря словами русского мастера сатиры, «распространять ни грамотность, ни малограмотность, ни даже безграмотность»¹⁸. Так надежнее, плодотворнее, эстетичнее. С тем и проводим читателя на первую страницу основного текста книги.

¹⁵ Наступательное действие – устар.

¹⁶ Садовской Б. Записки (1881–1916) // Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 121.

¹⁷ Вспоминается убийственная в своей праведности сентенция неизвестного советского лодоведа Евг. Сазонова: «Лучше писать (говорить) лучше, чем хуже. Хуже писать (говорить) хуже». (Литературная газета. 1982. № 2.)

¹⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи. М., 1984. С. 15.

Глава 1

Учение о составе преступления (краткий очерк)

*Si non e vero, e ben trovato!*¹⁹

Давно канонизирована мысль, что объективная сторона (наряду с объектом, субъектом и субъективной стороной) входит в структуру законодательной конструкции, именуемой составом преступления. Это обстоятельство приговаривает нас предварить суждения об объективной стороне и бездействии квинтэссенцией научных взглядов по поводу состава преступления вообще. Да и «все вопросы общего учения о преступлении, вопросы о круге наказуемых действий и их образующих элементах неразрывно связаны с разрешением общей проблемы состава преступления»²⁰.

Этот термин впервые употреблен в УК РФ 1996 г. и только в ст. 8, хотя данное словосочетание давно известно мировой юридической мысли²¹. Совсем не ново оно и для правоприменительной практики, российской (советской) науки, традиционно и обширно анализируется в учебной литературе. Указания на состав преступления содержал УПК РСФСР 1960 г. (ст. 5, 213, 222, 303, 309), присутствуют они и в новом процедурном законе (ст. 24 УПК РФ, например).

Состав преступления относится к центральным или базовым понятиям классического уголовного права, что порождает постоянный интерес к нему. В отечественной науке состоялись несколько дискуссий: «1) имеется ли общий состав преступления или речь можно вести только о конкретном составе; 2) что включать в понятие состава преступления; 3) считать или не считать состав преступления основанием уголовной ответственности»²². К числу важнейших вопросов толкования состава преступления следует отнести также проблему «реальности» этого явления/понятия и его значения. Мы ограничим поле исследования лишь несколькими спорными фрагментами²³, и суждения о них разместим в нескольких главах настоящей книги.

В материальном праве состав преступления понимается как *законодательный набор признаков, позволяющий оценивать конкретное деяние как преступление, а его автора привлечь к уголовной ответственности*²⁴. Наименование статьи 8 УК, в которой содержится упоминание о составе преступления, требует анализа этого понятия через призму допустимости, справедливости уголовного преследования вообще. Вопрос об основаниях уголовной ответственности является центральной проблемой уголовного права, в которой отражаются и принципиальные установки отрасли, и диалектические противоречия регулирования живого преступного промысла с помощью обобщенных юридических формул.

¹⁹ Если это и неверно, то хорошо придумано! – *итал.*

²⁰ Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 70.

²¹ Corpus delicti (*лат.*) – основа, ядро, тело, скелет преступления.

²² Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 167, 168.

²³ Объяснение простое: многие разночтения во взглядах уже сняты в результате дискуссий, а научная мысль нащупывает новые узкие места в своих прежних представлениях (см.: Ляпунов Ю. И. Категория «состав преступления»: гносеологический аспект // Проблемы укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел по применению уголовного законодательства. М., 1984; Кузнецова Н. Ф. Состав преступления: спорные вопросы // Вести. МГУ. Сер. 11. 1987. № 4. С. 21–29; Бажанов М. И. О функциях состава преступления (процессуальная функция) // Проблемы законности. Харьков, 1995. Вып. 29. С. 96–108; Малков В. П. Состав преступления в теории и законе // Гос-во и право. 1996. № 7; Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997 и др.).

²⁴ См.: Карпущин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 164; Курс советского уголовного права: Часть Общая. М., 1970. Т. 2. С. 89; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. С. 243, 244; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1981. С. 97; Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 342; Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. С. 63 и др.

Как и в философии, в уголовном праве существует свой *основной вопрос*: есть ли достаточные и убедительные основания для преследования граждан и расправы над ними со стороны власти? Все остальные материально-правовые и даже процессуальные регламенты – размер наказания, виды санкций, списки смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, процедура привлечения к уголовной ответственности, порядок и условия отбывания наказания, судимость и пр. – все это вторично, предопределено решением основной задачи.

В законодательном регулировании оснований уголовной ответственности можно и нужно видеть несколько аспектов. *Философский аспект* заключается в обосновании целесообразности преследования через признание всех преступлений естественной разновидностью социально обусловленного, отклоняющегося поведения. Криминальные эксцессы, как и законопослушные образцы поведения, детерминированы общественными условностями, но не до такой степени, что у человека в распоряжении остается единственный вариант выхода из жизненной ситуации – причинение вреда другим людям.

Целесообразность и допустимость государственного принуждения обосновывается наличием у виновного свободы выбора между несколькими способами достижения цели. Если же гражданин поставлен перед суровой необходимостью выполнить под жизненную диктовку только одно, строго определенной деяние, ответственность исключается (физическое или непреодолимое психическое принуждение, крайняя необходимость, другие форс-мажорные обстоятельства).

Нравственный аспект оснований уголовной ответственности усматривается в равенстве требований уголовного закона ко всем потенциальным преступникам, в справедливости индивидуального и однократного воздаяния за причиненное зло, в публичном оглашении оснований преследования. Чисто же *юридический аспект* проблемы оснований уголовного преследования означает поиск и закрепление стилизованных законодательных требований к поведению граждан. Именно через эти базовые условия и только так реализуется принцип законности в борьбе с преступностью.

Понятно каждому, что никому (даже законодателю) не дано предвидеть, а тем более описать во всех подробностях все мыслимые злодеяния людей, да еще с перспективой на прирост населения и изменяющиеся условия жизни общества в период использования кодекса. Нужны упрощения, обобщенные характеристики, намеренно уводящие от частных, сосредоточивающие внимание всех правоприменителей на главном, типичном, повторяющемся. Требуется ставка не только на преступление – живое дело или конкретное происшествие – но и на законодательную квинтэссенцию, вытяжку типичных признаков из всех подобных деликтов. Состав преступления – это научная абстракция, заблаговременная законодательная модель преступления.

Но есть и второе обстоятельство, пожалуй, более важное, практически объясняющее не просто возможность или необходимость, а неизбежность создания состава преступления, учения о нем и эксплуатации его в практике борьбы с преступностью. Преступление, этот реальный факт действительности, есть всегда *событие прошлого*, а потому предстает перед любым правоприменителем в неполном объеме сведений. Блекнут воспоминания очевидцев, утрачиваются под воздействием естественных условий среды, человеческой алчности и неряшливости вещественные доказательства по делу, под влиянием противоположных целей меняются показания участников уголовного процесса, свидетели и потерпевшие не желают делиться важной правовой информацией с запятнавшей себя уголовной юстицией.

Даже если представить себе гипотетическую ситуацию, когда о предстоящем преступлении правоохранительная служба узнает заблаговременно и успеет установить на месте предполагаемого действия совершеннейшие средства сбора информации, все равно часть данных о деликте ускользнет от машинной фиксации (запах испуганной жертвы; система ложных телодвижений и мимики, понимаемых и употребляемых только участниками данного эксцесса; не

поддающийся безучастному внешнему наблюдению, но постигаемый сверхзаинтересованными конфликтующими сторонами мир переживаний злодея и потерпевшего и пр.).

Является практическая нужда в правоприменительном ограничении, в отыскании среди повторяющихся признаков (*уже происшедших*) конкретных посягательств самых-самых существенных данных, на сборе, доказывании и закреплении которых (*в будущем*) должен сосредоточиться любой практикующий юрист. Если представить реальное преступление в виде круга с разорванными краями (что символизирует утечку части информации), то состав преступления можно изобразить в форме каркаса, помещенного внутри окружности – это тот минимум стандартизированной информации, которую необходимо добыть по любому уголовному делу. *Corpus delicti*, следовательно, есть вынужденный ход юридической практики, в силу естественного запаздывания на место посягательства изначально лишенной полных сведений о преступном акте и потому довольствующейся минимумом информации.

Состав преступления – совокупность отобранных наукой в содружестве с практикой наиболее *типичных* (повторяющихся) и *существенных* (главных, базовых, основных) признаков общественно опасных посягательств. Количество признаков состава заведомо и значительно меньше фактических сведений о реальных преступных актах. Именно это свойство состава реализует идею равенства граждан перед уголовным законом. К примеру, на стадии привлечения лица к уголовной ответственности *в обязательном порядке* устанавливаются лишь две характеристики виновного: его возраст и состояние психического здоровья. Тем самым все виновные в преступлениях уравниваются, стандартизируются (другие сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, *могут быть* учтены судом при назначении вида и размера наказания).

Признаки, образующие состав преступления, по своей внутренней природе и возможностям доказывания делятся на объективные (характеризующие внешние, наблюдаемые свойства происшедшей трагедии) и субъективные (отражающие типичные представления о внутреннем духовном мире лица, совершившего преступление). В совокупности же и объективные, и субъективные свойства преступления, образующие состав, должны отвечать требованиям *необходимости* и *достаточности*. Это значит, во-первых, что согласованный минимум данных о деликте состоит из самых существенных признаков, необходимых для многократной идентификации любого общественно опасного деяния с законодательным шаблоном. Во-вторых, избранного минимума свойств должно быть достаточно для разграничения преступного и не преступного поведения, а также для различения сходных посягательств.

Сопоставим понятия «преступление» и «состав». За первым понятием скрывается факт, быль, событие, жизнь. Состав же – это абстракция, мысль, искусственная модель, шаблон, лекало, скелет, остов, тень преступления²⁵. Предстоит решить, что же служит основанием преследования людей: их деяние или его законодательный образ? Понятно, что первостепенным и непрерываемым, наблюдаемым и оставляющим следы в объективном мире, реально причиняющим вред отдельным людям и всему обществу основанием уголовной расправы будет именно преступление, то есть деяние в форме действия или бездействия. В нем кроется главное, *социальное основание* наказания. Сам же поиск и доказывание факта определенного преступления осуществляются (в силу изложенных выше мотивов вынуждающего характера) по заранее предугаданным, но ограниченным (стилизованным) количественно свойствам любого деликта данного вида.

²⁵ Профессор М. И. Ковалев на сей счет высказывается примиряюще: «В реальной жизни состав преступления как нечто существующее в действительности связан именно с признаками, описанными в законе. Это, конечно, идея, абстракция, но не порождение фантазии правоведов, а некая условность, собирательное понятие, которым оперирует наука, в том числе и юридическая. Поэтому, когда мы говорим о составе преступления, то имеем в виду конкретное преступное деяние, как оно описано в законе». (Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 169).

Состав преступления служит профессиональным орудием, мерным инструментом правоприменителей, и в этом отношении может считаться *юридическим* (дополнительным, формальным, второстепенным) *основанием* уголовной ответственности. В этом отношении трудно согласиться с мнением первого разработчика теории состава в нашей стране, профессора А. Н. Трайнина о том, что состав преступления является «единственным основанием уголовной ответственности»²⁶. Самое научное, совершенное, удачно систематизированное представление или мысль о каком-либо (чужом!) поступке невозможно выдавать за основу возмездия, тем более единственную. Нужен, в первую очередь, акт преступного посягательства, оправдывающий (подтверждающий) профессиональные ожидания, а затем уже и сам состав, и законодательные премудрости.

Таким образом, в правовом отношении уголовная ответственность имеет двуединую опору: и преступление, и состав преступления. Она основывается на фактическом (социальном) фундаменте – факте совершения преступления, и его избранных признаках, «скелете», который под названием состава преступления играет роль юридического (формального) основания уголовного преследования. Установление преступления как юридического факта, а не предполагаемого обывателем вредного поступка, осуществляется по законодательному образцу: требуется, чтобы деяние было запрещено под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ) и содержало все признаки состава преступления, предусмотренного в УК (ст. 8).

Таким образом, соотношение преступления (события) и состава преступления (понятия) имеет еще одну грань. Проходит она через признак противоправности, то есть предварительного (до совершения) обозначения всех типовых общественно опасных актов как преступных. Как давно подметил В. С. Прохоров, «состав преступления... служит показателем противоправности деяния»²⁷. Общее учение о противоправности материализуется в отдельных законодательных образцах – составах. Через них же наносится удар извечному сопернику противоправности – аналогии. Поэтому прав М. И. Ковалев, когда различие криминального деликта и состава видит и в том, что первое явление связано с жизнью, а второе – с текстом закона, что признаки преступления интегрируют общие свойства всех посягательств, а признаки состава, напротив, имеют дифференционную нагрузку²⁸.

Технически реализация противоправности и торжество законности (вначале в сфере правотворчества, а затем в карательной деятельности государства) через посредство составов осуществляется в диспозициях статей Особенной части УК. Здесь признаки состава чаще всего аттестуют объективную сторону посягательств (как, при каких условиях совершено преступление). Часть признаков состава указана в статьях Общей части, что при квалификации содеянного требует соответствующей ссылки (например, покушение на похищение человека – ст. 30 и ч. 1 ст. 126 УК, пособничество в квалифицированном убийстве – ст. 33 и ч. 2 ст. 105 УК).

Особо выглядят составы с бланкетными и отсылочными диспозициями: преступное поведение в них характеризуется самым общим образом, а правоприменитель в обязательном порядке устанавливает конкретные свойства посягательств на основании предписаний других отраслей права или статей (частей статей) самого УК, однако ссылка на них при квалификации не нужна (нарушение правил охраны труда – ст. 143, простое незаконное предпринимательство и его квалифицированные виды – ст. 171).

Итак, многовековая юридическая практика отобрала наиболее важные и типичные признаки преступлений и нарекла их по совокупности составом. Собранный материал дал возможность законодателю заготовить впрок и обозначить текстуально запретные образцы поведения. По ним юристы судят о противоправности (преступности, запрещенности) различных

²⁶ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 230.

²⁷ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. С. 260.

²⁸ См.: Ковалев М. И. Понятие преступления по советскому уголовному праву. С. 197, 198.

вредоносных поступков. Этот законодательный минимум информации о преступлениях отражает основные компоненты злодеяний (кто, кому, зачем и как причиняет обиду), а для удобства пользования, исключения повторов и лаконизации текста он рассредоточен по статьям Общей и Особенной частей уголовного закона.

Научное осмысление законодательных признаков всех преступлений позволило их систематизировать, структурировать, создать своеобразный аналог системы химических элементов Д. И. Менделеева. Все юридически значимые свойства криминальных поступков разбиваются в теории уголовного права на четыре *элемента* или *стороны*, а последние – на *признаки*, то есть более дробные характеристики.

Структура состава – своеобразная формула расследования и споров обвинения и защиты по уголовным делам. Известно, что древнеримские юристы пользовались семичленным шаблоном для установления события преступления и его наказания: кто, что, где, с чьей помощью, для чего, каким образом, когда?²⁹ Современные представления содержат более детальную схему (по количеству признаков, подлежащих установлению и доказыванию), но в блочном исполнении (четыре элемента или стороны) они упрощены и предлагают лишь четыре вопроса: кто (субъект преступления); кого или что (объект посягательства); как, каким образом (объективная сторона состава преступления) и зачем, с какой целью (субъективная сторона состава).

Легко заметить, что два элемента (стороны) состава характеризуют объективные (то есть внешние, наружные, наблюдаемые) признаки, а два другие – субъективные (определяемые личностными данными посягателя и миром его переживаний и расчетов в связи с производством преступления).

В уголовно-правовой доктрине четыре основных компонента состава принято именовать двояко: либо элементами, либо сторонами. Возможно, полисемия вызвана известным неудобством обозначения автора преступления стороной, вписывания его в лоно собственного поведения. Право же, что есть преступник? Сторона своего собственного злодеяния, элемент акта поведения или компонент деликта? Первые попытки внести ясность в этот вопрос были предприняты еще А. Н. Трайниным, рекомендовавшим считать возраст и вменяемость субъективными условиями или предпосылками уголовной ответственности, а не признаками состава, поскольку «уголовный закон карает преступника не за то, что он психически здоров, а при условии, что он психически здоров»³⁰.

С тех пор дискуссии на сей счет не прекращаются, идут с переменным успехом, хотя преобладающим становится взгляд, согласно которому состав преступления представляет собой целостную систему (признаков), состоящую из четырех подсистем (сторон или элементов), в том числе и субъекта преступления. Отсутствие хотя бы одного из элементов или сторон исключает состав, а значит, и преступность содеянного. Профессор А. Н. Трайнин со страстью обличал сторонников взгляда о четырехэлементной структуре состава. Он полагал, что эти структурные характеристики относятся к самому преступлению, которое «обслуживает» состав. Очевидно, что здесь мы видим классический образец схоластического спора³¹.

²⁹ Это правоприменительное лекало не утратило своей полезности и ныне, хотя выходит за рамки материально-правового учения о составе, оно более пригодно для оперативников и криминалистов. Как пишет И. Ф. Крылов, «эта схема дошла до нашего времени. И сегодня ею эффективно пользуются те, кто занимается расследованием преступлений... Древнеримские юристы полагали, что пока не будут добыты ответы на эти вопросы, преступление не может считаться раскрытым. Советский ученый процессуалист П. И. Люблинский на своих семинарах в Ленинградском университете также подчеркивал значение данной формулы, ибо ответы на поставленные в ней вопросы позволяют получить полную криминалистическую характеристику расследуемого преступления и, таким образом, избежать ошибок в оценке его характера» (Крылов И. Ф. Были и легенды криминалистики. Л., 1987. С. 195, 196).

³⁰ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 74.

³¹ Здесь уместно вспомнить ядовитые мифистофелевские наблюдения: «В общем держитесь слов: из голых слов, ярься и споря, возводят здание теорий».

Состав суть слепок самых существенных свойств преступления, и в этом смысле повторяет в снятом или абстрактном виде его содержание и структуру. Если юридическая практика доказывает наличие в деликте различных взаимодействующих компонентов и необходимость законодательного описания их, то упрек в сходности структур жизненных явлений и понятий о них несостоятелен. Призыв отрицать логику внутреннего устройства состава, поскольку «элементов состава в природе не существует», в нем «можно и должно различать элементы, характеризующие объект преступления и его объективную сторону, субъект преступления и его субъективную сторону»³², некорректен и с общетеоретических позиций. Состав преступления – научная абстракция, системный взгляд на бытие. Где, как ни здесь, для удобства анализа сложнейшей материи упражняться в построениях материала, делить его на блоки, элементы, разделы, признаки и пр.? Напротив, преступление, этот психофизиологический акт индивида, характеризуется нерасторжимостью, особой спайкой содержания. Все классификационные опыты над ним должны оговариваться условностью, интересами познания и т. д. Следовательно, точнее будет говорить о субъективной и объективной сторонах состава, а не преступления.

Надо сказать, что в научной и учебной литературе наблюдается определенная вольность в использовании терминологии: элементы, стороны, признаки. К примеру, в одном из последних учебников по Общей части уголовного права утверждается, что группы объективных и субъективных элементов распадаются «на виды этих элементов»³³. Известнейший в стране ученый, профессор Н. Ф. Кузнецова, настаивая на общепринятой структуре состава (элемент или сторона – признак, поскольку слово «признак» означает отличительную черту, примету чего-либо), допускает, тем не менее, оговорку, что «элементы состава подразделяются на обязательные и факультативные»³⁴. Профессор М. И. Ковалев, известнейший образец научной и терминологической строгости, видит, однако, в общем составе преступления «следующие признаки: объект преступления, объективную сторону деяния, субъект и субъективную сторону»³⁵.

Признаки состава принято ранжировать по предмету их обязательности или факультативности (вариантности). Надо отметить, что такие экспертные оценки возможны лишь на уровне так называемого *общего состава*, – собирательного образа всех (любых) преступлений. На уровне же конкретных составов подобные логические операции исключены, ибо всякое законодательное требование равноценно в смысле обязательности к руководству.

Аналитический обзор уголовного законодательства (и статей Общей части, и диспозиций статей Особенной части) с непреложностью свидетельствует о следующем.

1. Преступление невозможно, если отсутствует какой-либо (любой) из элементов (сторон) состава. Другое дело – признаки.

2. Наличие четырех элементов состава всякий раз связывается с установление таких признаков, как: а) пострадавший интерес или благо, охраняемое именно уголовным законом (объект как общественное отношение); б) работающее состояние психики по отношению к событию преступления (вина); в) действие или бездействие (формы деяния); г) возраст; д) вменяемость лица, совершившего преступление. Они именуются в науке *обязательными признаками* общего состава преступления.

3. Предмет, мотив, цель, общественно опасные последствия, место, время, способ, орудие, средство, обстановку, причинно-следственные связи преступления принято считать *факультативными* или *дополнительными признаками*. Они характеризуют тот или иной элемент состава только в отдельных случаях, в отношении некоторых преступлений.

³² Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 120.

³³ Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. М., 1997. С. 116.

³⁴ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1981. С. 101, 104.

³⁵ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 172.

Все мыслимые составы преступлений принято делить на определенные группы или роды на основании тех или иных признаков, именуемых критериями, принципами или основаниями классификаций. Классификация (от лат. *clasis* – разряд и *facere* – делать) представляет собою логическую операцию деления всего объема явлений или понятий на относительно однородные разряды с целью последующего использования в науке или на практике³⁶. Практически все классификационные решения в науке уголовного права покоятся на законодательном материале. Надо лишь помнить, что полные классификационные наборы свойственны далеко не каждому виду преступлений, а лишь некоторым. Законодатель решает и выражает свое мнение в диспозициях статей Особенной части: употреблять ли в тексте УК все мыслимые разновидности конструкций состава по отношению к каждому преступлению в отдельности или нет.

Кратко охарактеризуем общепринятые классификации составов в отечественной науке.

1. Наиболее известна градация составов по *степени их общественной опасности* на основной, квалифицированный и привилегированный виды.

Основной (или простой) состав содержит базовые и одновременно ограниченные сведения о преступном акте. Классический пример – состав убийства, предусмотренный ч. 1 ст. 105 УК РФ. Основной состав выполняет роль трафарета, контрольного ряда, способного принять поправки и добавления, не меняющие его сути. Если к этому законодательному минимуму признаков преступления добавляются по воле законодателя другие свойства, и эта операция выражается в формулировании новых статей или частей той же статьи, а размер ответственности за новообразование повышается, налицо квалифицированный состав.

По существу *квалифицированный состав* создается данными, усиливающими степень общественной опасности содеянного, вину лица и его наказание. Эти данные (организованная группа, тяжкие последствия, значительный ущерб, судимость, крупный и особо крупный размер, неоднократность и пр.) имеют аналог в списках обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), однако в отличие от последних влияют на квалификацию, упоминаются в диспозициях статей, по которым осуждаются виновные, то есть являются приоритетными. В ч. 2 ст. 63 УК РФ содержится специальная оговорка, что предусмотренность того или иного отягчающего обстоятельства в статье УК в качестве признака преступления исключает ссылку на него при назначении наказания (принцип запрета двойного или повторного учета одних и тех же обстоятельств).

Технически квалифицированные составы чаще всего следуют за основным составом, сформулированным в первой части статьи, расположены в последующих частях той же статьи, а в диспозиции содержат упоминание об основном составе («те же действия») как неизменном фундаменте, к которому законодатель создает пристройки, формирует дополнительные признаки. Примером целой группы квалифицированных составов является ч. 2 ст. 105 УК, где под буквенной индексацией кроются 13 самостоятельных преступлений, обладающих повышенной опасностью, 13 возможностей повысить криминальную значимость так называемого «простого» убийства.

Наконец, *привилегированный состав* оформляется законодателем путем добавления к основному составу признаков, существенно снижающих степень общественной опасности и потому влияющих на ответственность. Как и квалифицированные виды, привилегированный состав может существовать в УК как часть статьи, следующей за описанием основного состава,

³⁶ Конечно, «всякая классификация является результатом некоторого огрубления действительных граней между видами, ибо они всегда условны и относительны». (Философский словарь // Под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М., 1975. С. 177). Однако нельзя не видеть и пользы любых классификационных построений. Они жестко структурируют знания, придают им свойства прочности и повышенной усвояемости, позволяют улавливать закономерности, действующие в объективном мире, видеть и анализировать широкий круг явлений без перечислений, с помощью обобщенных характеристик, рожденных классификационными опытами.

либо как отдельная статья с самостоятельной диспозицией. Привилегированные составы убийства в УК поданы в форме отдельных статей (ст. 106–108 УК).

2. По *особенностям описания в законе признаков объективной стороны* составы делятся на материальные, формальные и усеченные. Полный, в социологическом смысле технологический цикл совершения преступлений (замышление – деяние – последствия) законодатель не всегда считает для себя обязательным. Руководствуясь различными соображениями, в первую очередь превентивными, опасностью отдельных этапов предварительной преступной деятельности, способных, если не принять упредительных мер, привести к сокрушительным для общества результатам, власть расправляется с преступниками, невзирая на отсутствие последствий и даже (в редчайших случаях) самих действий, реально направленных на причинение вреда. Расправа наступает незамедлительно, до наступления беды. Реализуется эта классификация в законе посредством полного или частичного описания в диспозициях статей Особенной части признаков объективной стороны.

Если законодатель упоминает о последствиях, налицо *материальные составы* (убийство – ст. 105–108, кража – ст. 158, злоупотребление полномочиями – ст. 201). Если же потенциальный вред от посягательства в диспозиции не оговорен (ч. 1 ст. 166 – угон автомобиля или иного транспортного средства), принято говорить о *формальных составах*. Главное здесь – деяние. Факт наступления или отсутствия общественно опасных последствий на квалификацию содеянного не влияет. Преступление признается оконченным по завершении действий. Фактический вред может быть учтен лишь судом при назначении наказания. Наконец, также оконченными преступлениями считаются по закону отдельные посягательства, когда действия, непосредственно направленные на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны, вообще не совершаются, а он лишь ставится в опасное положение. Ответственность наступает на самых ранних стадиях преступного поведения. Это *усеченные составы* (бандитизм – ст. 209, организация преступного сообщества – ст. 210).

3. По *способу отражения в законе признаков состава* они (составы) делятся на простые и сложные. Уголовный закон формулирует в лаконичных диспозициях статей сложные криминальные процессы. Наиболее зловещие эксцессы могут содержать в своем составе акты, достойные отдельного преследования. Однако есть ли смысл в дроблении ответственности, даст ли операция разложения многочлена должный эффект в обществе? Справедливо ли искать в ситуациях массовых беспорядков составы незаконного хранения оружия (ст. 222), оскорбления личности (ст. 130), простого нарушения общественного порядка (ч. 1 ст. 213) и не видеть более грозной опасности? Ответ очевиден – нет. В Кодексе должны быть и есть составы сложного типа, своеобразные системные образования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.